

Но когда прежний хозяин этого тела оказался в безвыходном положении, именно он намеками подсказал ему, что пора бежать.

Наследный принц, глядя на то, как господин Ци обливается слезами и соплями, не сдержал короткого смешка — впрочем, в нем сквозило больше сарказма. В присутствии Его Величества он, очевидно, предпочел промолчать. Хотя принц и относился к Хэ Цяньсяо с притворством, в важных государственных делах он всегда сохранял трезвый рассудок, а в методах был даже беспощаднее самого императора.

Император с грохотом опустил стопку донесений на стол.

— Довольно, я сам приму решение, — он нахмурился. — Вопрос с Янь Гуюем обсудим позже. Можешь идти.

Поняв, что Его Величество теряет терпение, чиновник поспешил подняться и откланяться, не решаясь задержаться ни на миг.

— Этот Янь Гуй — сушая головная боль. Придержи пока его награды, чтобы этот господин Ци не мельтешил у меня перед глазами. Да и Янь Гую будет уроком, — император покачал головой, снова взял донесение и мельком взглянул на Хэ Цяньсяо. — С чем явился? Я занят, только не вздумай говорить то, от чего у меня снова разболится голова.

Настала очередь Хэ Цяньсяо. Наследный принц бросил на него косой взгляд.

Хэ Цяньсяо стоял на месте, помолчал немного, а затем внезапно опустился на колени:

— Отец-император, недавно я обнаружил у слуг запрещенный порошок. Подозреваю, что кто-то тайно его хранит. Прошу провести тщательное расследование.

Император замер:

— Встань.

О каком именно запрещенном порошке шла речь, оба прекрасно понимали, но император не стал называть вещи своими именами. Хэ Цяньсяо повел себя весьма искусно. Он не стал оправдываться или поспешно доказывать свою невиновность, а сразу потребовал расследования. Это означало, что он не придает инциденту личного значения, демонстрируя государственное мышление. В одночасье акцент сместился с его собственного тайного употребления Порошка холодной пищи на проблему хранения запрещенных веществ во дворце.

Это дело могло быть как пустяковым, так и серьезным. Обычно, если народ не жалуется, чиновники не вмешиваются, но стоит лишь копнуть — и виновным может оказаться каждый, а улики хватит для вынесения приговора.

Хэ Цзычэнь едва сумел скрыть изумление. Ведь мягкотелость и доброта Хэ Цяньсяо в змеином логове дворцовых интриг, да и при дворе, всегда считались признаком никчемности. А когда никчемный человек внезапно проявляет проницательность, это не может не привлечь внимания.

Они смотрели на Хэ Цяньсяо, который стоял, опустив глаза. Лицо осталось прежним, но в нем что-то неуловимо изменилось — словно на бесплодную землю вдруг бросили семена, и в ней начала пробиваться жизнь. Она больше не казалась пустой. Хэ Цзычэнь вдруг понял, что, обретя душу, эта деревянная кукла действительно стала приковывать взгляд. Впрочем, раздражать она меньше не стала.

Император наконец удостоил его прямым взглядом. Он потер переносицу:

— Хм, звучит красиво. Но до меня дошли совсем другие слухи. Может, расскажешь свою версию?

Хэ Цяньсяо замялся, склонившись к земле, и принялся подбирать слова:

— Сын твой...

Развитие событий казалось странным. По идее, император должен был сейчас баловать его, а не припирать к стенке. Хотя, если подумать, человек, ставший императором, обладает умом, недоступным обычным людям, и даже любимого младшего сына не станет потакать во всем. Да, он был любимчиком, но в оригинальной книге прямо описывалось, как этот инцидент пошатнул расположение императора к нему. То, что он сам поднял эту тему — было верным решением.

— Боишься говорить? Боишься моего гнева? — император отшвырнул донесение и хлопнул ладонью по столу. — Хэ Цяньсяо! Ты расправил крылья? Смелости тебе не занимать!

Хэ Цяньсяо опустил голову еще ниже и глухо произнес:

— Сын твой не смел...

Но почему-то, несмотря на упреки и видимый гнев императора, стоявший рядом наследный принц оставался бесстрастным, а его взгляд был холодным, как лед.

Император поднял донесение:

— Ты утверждаешь, что кто-то хранит запрещенное снадобье и тебя оклеветали. Даю тебе три дня. Найди того, кто тебя подставил, и приведи его ко мне.

Хэ Цяньсяо поднял голову:

— Три дня?

Три дня тоже неплохо, нужно поторопиться.

— Время тянешь? — спросил император. — Тогда два.

Хэ Цяньсяо: «...» Не это он имел в виду. В оригинальной книге об императоре было мало сказано, кто бы мог подумать, что у него такие методы.

— Иди, — бросил император. — Срок семь дней. Если не найдешь виновного, накажу по всей строгости закона, и отвечать будет весь дворец Ицин!

И правда, отец и сын — одного поля ягоды, лучше всех знают, чего боится прежний хозяин тела. А больше всего он боялся навлечь беду на близких.

Хэ Цяньсяо вместе с наследным принцем поклонились и вышли. Уже у самого выхода император внезапно окликнул его:

— Шестой, приходи сегодня вечером во дворец на ужин. Семья Сюй преподнесла мне кое-что занятное, посмотрим вместе.

Только что Хэ Цяньсяо сомневался, действительно ли прежний хозяин был так любим, как об этом писали. Теперь же ситуация совершила очередной кульбит. Тон императора был почти отеческим, с ноткой близости и сдержанности.

Перед глазами Хэ Цяньсяо маячила спина уходящего Хэ Цзычэня. Заметив, как тот замедлил шаг, Хэ Цяньсяо вспомнил о ревности принца, описанной в книге, и выпалил:

— Старший брат, пойдемте вместе...

Хэ Цзычэнь резко обернулся. Его персиковые глаза смотрели с полуулыбкой, но в глубине, когда он взглянул на императора, промелькнуло едва заметное ожидание.

— Твой брат занятнее тебя, занимайся лучше собой, — бросил император.

Хэ Цзычэнь усмехнулся:

— Верно, шестой брат. Я, и правда, очень занят.

Он говорил это расслабленно, без тени странности, но у Хэ Цяньсяо по спине пробежал холодок. Тьфу, если его самого император не жалуется, это не его вина, зачем срывать злость на нем?

Хэ Цяньсяо не понимал одной вещи. В оригинале император не то чтобы не любил наследного принца, просто его любовь к принцу отличалась от любви к шестому сыну. Императору не нужно было, чтобы Хэ Цяньсяо добился успехов, он хотел, чтобы принц взял на себя ответственность и стал достойным правителем, ведь именно в его руках окажется будущее империи Хэ.

Хэ Цзычэнь был неглуп и должен был это понимать. Видимо, понимал, но не мог смириться с разницей в отношении. Сегодняшнее поведение принца было не только плохой игрой — он совсем не вел себя как старший брат. Скорее как младший, любящий пакостить.

Первый этап пройден, но впереди Хэ Цяньсяо ждало еще немало испытаний. На вечерний семейный ужин он обязан явиться. Ему нужно наладить отношения с императором, ведь в руках того — власть над жизнью и смертью. Даже если не заискивать, нельзя совершать поступков, которые вызовут неприязнь. Главное — не выдать себя, ведь в эту эпоху, если его сочтут одержимым злыми духами, могут и казнить.

Перед ужином Хэ Цяньсяо тайком наведлся в Министерство наказаний. Однако туда не попасть без императорского указа, так что пришлось ждать окончания банкета, чтобы попросить его.

Вечер наступил быстро. Ужин назвали семейным, но, помимо принцев, присутствовали и другие сановники. Нынешний император ценил литераторов больше воинов, поэтому приглашены были в основном гражданские чиновники. Генерала Яня, которого император утром отчитал за дерзость, среди них не было. А Хэ Цяньсяо очень хотел бы увидеть этого генерала. Ведь в книге он был единственным, кто не остался в стороне, когда прежний хозяин оказался в беде. По описанию автора, это был достойный человек. А хорошие люди — это именно то, что сейчас нужно Хэ Цяньсяо больше всего.

Когда все собрались, Хэ Цяньсяо принялся изучать предметы на столе. Фрукты, винные кувшины — ничего особенного, разве что кувшины были невероятно изящными. Он потянулся к одному, чтобы проверить содержимое, но кувшин оказался почти пустым.

Юань Юань поспешно зашептал:

— Ваше Высочество! Император еще не пришел, нельзя!

Хэ Цяньсяо хотел было сказать, что Юань Сяюань стал слишком серьезным и менее милым, как вдруг столкнулся взглядом с чьими-то глазами. Он опешил. Это был Сюй Цзюэмин. Тот

сменил наряд, и Хэ Цяньсяо, не разбираясь в древней моде, решил, что выглядит он весьма недурно. Их взгляды встретились, Хэ Цяньсяо улыбнулся, но Сюй Цзюэмин, не изменившись в лице, холодно отвел взгляд.

Хэ Цяньсяо дернул Юань Юаня за полу одежды и спросил:

— Юань Сяюань, ты видишь того человека? Кто это?

Юань Юань с тревогой уставился на него:

— Шестой принц, вы что, с ума сошли? Это же господин Сюй, вы же виделись днем.

Видимо, после того, как Хэ Цяньсяо заступился за него, Юань Юань стал менее скованным.

Хэ Цяньсяо поддразнил его:

— Нет, это же павлин в человеческом обличье. Два наряда за день сменил, неудивительно, что так нравится девицам.

Юань Юань чуть не зажал ему рот от ужаса. Шестой принц точно сошел с ума, раньше он никогда не позволял себе дурного слова о господине Сюе! И, может, от чувства вины, но ему показалось, что господин Сюй снова нахмурился, глядя на них.

В этот момент появился император, и все дружно встали, чтобы поприветствовать его. Император первым сел и махнул рукой:

— Оставьте формальности, господа, будьте как дома.

Окинув взглядом присутствующих, он добавил:

— Я пригласил вас сегодня, потому что сын семьи Сюй добыл замечательную вещь. Я решил разделить радость с вами. Вещь перед вами, попробуйте угадать, что это?

Услышав это, Хэ Цяньсяо внезапно вспомнил эпизод из книги. В начале истории вокруг Хэ Цяньсяо крутились три фигуры: наследный принц, заложник и лучший ученый. Этот эпизод был посвящен как раз Сюй Цзюэмину, сыну важного сановника. Отец его был выдающимся человеком, а сын — и подавно. Поэтому император его ценил.

Сюжет был прост: Сюй Цзюэмин разгадал загадку, висевшую в одном знаменитом винном доме. Хэ Цяньсяо уже не помнил названий, таких клише в книгах было полно.

Один старый чиновник воскликнул:

— Неужели это легендарное вино из павильона Юйшуй?

Другой добавил:

— Брось, старый Ли, мы все давно знаем, не притворяйся.

Хэ Цяньсяо: «...» И так прямо перед императором? Seriously?

Император рассмеялся:

— Верно! Это вино из павильона Юйшуй. Спасибо парню Сюй Цзюэмину, он избавил меня от многолетней головной боли.

Сюй Цзюэмин поднялся и с достоинством произнес:

— Император слишком добр ко мне.

История с вином была проста: павильон Юйшуй прославился, люди съезжались со всей страны, чтобы попробовать их блюда, но все знали, что лучшее вино хозяин хранит для себя. Ходили слухи, что аромат его был настолько божественным, что люди теряли дар речи. Но хозяин его не продавал. Это стало предметом любопытства, дошедшим до самого императора.

Хэ Цяньсяо понял: классический маркетинговый ход. Позже хозяин выставил вторую часть парной надписи к вину, которую никто не мог разгадать, включая самого императора. А император — человек тщеславный, не мог же он силой отобрать вино, это испортило бы его репутацию. Так вино стало его навязчивой идеей. А Сюй Цзюэмин смог разгадать загадку, доказав свой талант. Разве мог император не ценить такого человека?

Хэ Цяньсяо понял, что император — человек рассудительный, но крайне заботящийся о своей репутации. Это было полезно, но и опасно: если правда о том, что он не родной сын, всплывет, пощады не будет.

Император пребывал в хорошем настроении:

— Я столько лет гадал, каково оно на вкус, а попробовал — ничего особенного.

Чиновники вторили:

— Его Величество прав!

Хэ Цяньсяо отвел взгляд от императора. Наблюдая за толпой, он заметил, что кто-то внимательно следит за ним. Сюй Цзюэмин. Хэ Цяньсяо снова отвел глаза. В книге прежний хозяин был несчастным бедняком, который после того, как влюбился в Сюй Цзюэмина, стал еще несчастнее. А самое обидное — Сюй Цзюэмин никогда его не любил и в конце концов сам подтолкнул его к гибели.

Тогда прежний хозяин уже смирился и решил инсценировать свою смерть, чтобы сбежать, пока император не окончательно не решил его уничтожить. Но в этот момент Сюй Цзюэмин попросил императора даровать ему брак с дочерью одного из министров. Прежний хозяин потерял всякую надежду. И тогда император, поняв, что Хэ Цяньсяо стал помехой, прислал ему яд. Тот выпил его, не сопротивляясь.

Но нынешний Хэ Цяньсяо — не тот, что был раньше. Никто не сможет его обидеть. Однако держаться от опасных персонажей из книги стоит подальше.

Сюй Цзюэмин больше не смотрел на него. Наверное, удивлялся, почему человек, который обычно лип к нему, сегодня ведет себя так, будто его не существует. Но это удивление быстро улетучилось. Хэ Цяньсяо больше не чувствовал на себе его взгляда. Он сделал глоток вина — в кувшине его было на донышке, так что почти всё и выпил.

Юань Юань почувствовал неладное.

— Ваше Высочество? — тихо позвал он.

Хэ Цяньсяо не ответил. Юань Юань заволновался. В этот момент снаружи послышался шум. Император сделал знак евнуху, и тот пронзительно выкрикнул:

— Что за шум?!

Охранник вбежал и опустился на колени:

— Ваше Величество, это подчиненные генерала Янь Гуя, господ Вэй и Шэнь.

Император помрачнел:

— Вэй Цюань и Шэнь Шичжун? Пусть войдут.

Охранник замялся. Евнух взвизгнул:

— Дерзость! Император приказал, чего же ты ждешь?!

Охранник, уткнувшись лбом в пол, пробормотал:

— Ваше Величество... они просят позволения остаться на коленях снаружи, входить отказываются.

Все присутствующие: «...» Редкое зрелище, будет что обсудить.

Император, уже захмелевший, вспыхнул гневом:

— Хотят стоять на коленях? Пусть стоят до рассвета. Нет, до следующего месяца!

Юань Юань прошептал на ухо Хэ Цяньсяо:

— До следующего месяца еще далеко, не покалечат ли они себе ноги?

Хэ Цяньсяо подумал, что они не только покалечат, но и сгниют. Его слегка пошатывало. Видимо, Вэй и Шэнь решили выбить награду для Янь Гуя, увидев, что император медлит.

Банкет продолжался, но атмосфера была напряженной. Двери дворца были открыты, и Вэй с Шэнем стояли на коленях прямо у входа, на виду у всех. Спустя полчаса вошел еще один охранник:

— Ваше Величество... пришел генерал Янь Гуй, просит аудиенции.

Очевидно, Янь Гуй был умнее своих подчиненных и не стал подливать масла в огонь.

— Пусть вползает! — рявкнул император.

Янь Гуй вошел. Он был спокоен, подобрал полы халата и опустился на колени. Его спина была прямой, как натянутая тетива, а в осанке чувствовалась нерастраченная ярость, словно он был острым копьем, готовым пронзить ветер и кровь.

Хэ Цяньсяо уже плыл. Вино из павильона Юйшуй было коварным — он не ожидал, что это тело не выдерживает и капли.

Янь Гуй произнес:

— Я не сумел сдержать своих людей и потревожил покой Его Величества. Пришел принять наказание.

Император молчал. В наступившей тишине Хэ Цяньсяо, пошатываясь, поднялся. Он рассуждал просто: если Янь Гуй в будущем ему поможет, нужно помочь ему сейчас, чтобы повисить его шансы на выживание.

Император, увидев, что он встал, нахмурился еще сильнее. Доброта прежнего хозяина всегда раздражала императора. Если Хэ Цяньсяо сейчас заступится за Яня, император накажет обоих.

Хэ Цяньсяо, заплетающимся языком, поклонился и сказал:

— Отец-император, на мой взгляд, генерал Янь... заслуживает наказания.

Император и все присутствующие замерли. Сюй Цзюэмин, который уже собирался встать, устоял на него.

— Генерал Янь, император устроил банкет, вас не приглашали, но вы всё равно пришли, — Хэ Цяньсяо покачал головой. — Неужели вы недовольны тем, что вас не позвали, и презираете государя?

Янь Гуй склонился:

— У меня не хватило бы смелости презирать правителя.

Шэнь Шичжун сжал кулаки, злобно глядя на Хэ Цяньсяо.

Хэ Цяньсяо невозмутимо продолжил:

— А остальные господа... даже если вы хотите присутствовать, нужно спросить позволения. Раз император не позволил, как вы смее тревожить его? А уж стоять на коленях, заставляя императора вас впустить — это проявление неуважения!

Вэй Цюань понял намек и потянул Шэня за собой, ударившись лбом об пол.

— Мало того, нужно наказать их сурово, — Хэ Цяньсяо поклонился, едва удержавшись на ногах. — Прошу императора покарать их.

Нужно было сыграть роль «плохого», чтобы император мог сохранить лицо. Если бы Хэ Цяньсяо стал просить за них, он бы только загнал императора в угол. А главное, Янь Гуй уже успел проявить верность, что было важнее всего.

— Сяо-эр, генерал Янь оказал великую службу стране, нет причин его наказывать, — тон

императора смягчился. — Но я вижу, что твои подчиненные слишком горячи. Наказать их: переписать сто раз сутру сердца и три дня стоять лицом к стене в назидание остальным!

Это было легкое наказание, а про стояние на коленях больше никто не вспомнил. Хэ Цяньсяо вздохнул с облегчением.

Император посмотрел на него с одобрением и отеческой заботой:

— После банкета не забудь помочь шестому принцу протрезветь.

Юань Юань поклонился:

— Слушаюсь, я позабочусь о принце.

— Я устал, — император поднялся. — На кухне приготовлены лучшие блюда, наслаждайтесь.

Когда император ушел, Хэ Цяньсяо едва не рухнул на Юань Юаня.

— Ваше Высочество, пойдемте? — спросил тот.

Хэ Цяньсяо кивнул.

<http://bllate.org/book/18613/1792088>